

Две стороны окна

Ее всегда называли Белкой, вначале за круглые щеки и два верхних зуба, немного выступающих вперед, а позже — за бег в колесе. Колесо — множество пожилых родственников и родственниц, которые жить без нее не могли, полное отсутствие в жизни даже намека на мужчину, двенадцатилетний Лешка — ее радость и бесконечное вложение денег, две, иногда три работы, постоянное отсутствие денег и множество побочных спиц, которые то появлялись, то пропадали, а на их место приходили новые. Она крутилась целый день, иногда умудряясь хорошо выглядеть и быть веселой, а иногда не выдерживая и останавливаясь на отдых у телевизора.

Утро Белки начиналось в шесть, она готовила завтрак, красилась, будила, кормила и собирала Лешку, потом они шли в школу, она в первый класс, а он — в шестой. После уроков она бежала по магазинам, домой к двум ученикам на частные уроки, вечером убирала, стирала и готовила обед дня на два минимум, хотя на следующий день опять что-то готовила. В выходные они с Лешкой ехали к ее маме, тете Даше, бабушке Севе или тете Ксюше, в свободное время она шила и вязала, и временами ее подруга и одноклассница Лорка продавала ее "произведения" на толчке.

Так продолжалось уже много лет, порой Белке казалось, что всю жизнь. Она постоянно бежала, спешила, даже во сне ей снилось, как она бежит на уроки и опаздывает, потому что в магазине давали тушенку, была сумасшедшая очередь, и она почти час в ней простояла. Утром просыпалась и начинала бег наяву. Больше всего ей хотелось несколько дней просидеть дома, не выходя из квартиры, даже мусор не выносить и чтобы дома никого не было, ни с кем не разговаривать и чтобы было тихо и... тихо. Больше она ничего придумать не могла, а ведь раньше была отъявленной фантазеркой и выдумщицей. Наверное, мысли и фантазии тоже устают и стареют, становясь скучными и ленивыми, а потом съеживаются и умирают, как-то с удивлением подумала Белка.

Когда-то очень давно она окончила педагогический институт, вышла замуж и родила Лешку. Начала работать в школе и, наверное, всегда будет помнить своих первых первоклашек. Потом был развод, болезнь мамы и девяностые трудные годы. Муж ей оставил квартиру, а она за это подписала отказ от алиментов. Вот тогда и появилось колесо, в котором она бежит и будет бежать еще долгие годы.

Она очень устала усталостью, которую не вылечить отпуском, ведь во

время отпуска надо работать у мамы на даче, делать ремонт в своей и тетиной квартире, а еще закрутки — она закручивала и заготавливала практически все что можно, а потом кормила своими заготовками всю родню. Белка уже давно ничего не делала лично для себя — даже красилась, лишь бы никто не догадался, как она устала.

Лешка — это вообще отдельная история. Белка любила его больше всего на свете, вернее, она просто не представляла, как бы жила, не рожди она двенадцать лет назад этого щуплого, немного сутулого, очень общительного и болезненного ребенка. Когда он родился, то совсем не был ни щуплым, ни сутулым, а вот общительность и болезненность были всегда. Вначале он кричал, хныкал и агукал, а потом начал говорить — неожиданно четко и целыми предложениями, все смеялись — сразу видно: сын учительницы. В детстве переболел всеми инфекционными заболеваниями, какие были в детском саду и младших классах, в пять лет сломал руку, в восемь подрался и разбил голову, хотя подрался — громко сказано, обычно его просто били. Били, начиная с первых классов, когда Белка с удивлением узнала, что ее сын не только умница и отличник, но еще хвастун и ябеда. Со временем он перерос ябедничество и стал почти лидером класса, но тут же заболел желтухой, уж лучше бы его опять побили, решила Белка. За время Лешкиной болезни Белка сбросила шесть килограмм из своих пятидесяти пяти и продала все золото, что было у нее и мамы. Уже два года как Лешка на диете, а Белка время от времени с тревогой всматривается в цвет его лица и ушей.

Она никогда и никому не завидовала, всегда была оптимисткой, или пыталась быть такой, но в последнее время начала завидовать. Предмет ее зависти свидетельствовал о крайней степени ее усталости, как изысканно сказали бы лет сто назад. Теперь же она просто подумала, что у нее от усталости едет крыша. Она завидовала своей соседке с первого этажа. Соседские окна выходили к подъезду, мимо них Белка пробегала минимум дважды в день и каждый раз видела в окне женщину — свою ровесницу, ухоженную, холеную, неторопливую блондинку со спокойной улыбкой. Они кивали, иногда улыбались друг другу, а если окно было открыто, перекидывались незначительными фразами о погоде и ценах на рынке, но никогда не встречались при других обстоятельствах.

Тетя Шура, которая все про всех знала и иногда по вечерам оставалась посидеть с Лешкой, пока Белка ходила к ученикам, рассказала про женщину в окне. Она рассказала столько, что Алевтина, так звали соседку, очень бы удивилась осведомленности соседей. Алевтина — инвалид, уже

восемь лет она не встает с инвалидного кресла, с тех пор как родила дочку Аню. После родов с ней что-то случилось, какая-то травма или осложнение — ноги отнялись, и это неизлечимо. У нее есть муж, он плавает, еще молодая мама, дочка, трехкомнатная квартира, машина, две кошки и аквариум с рыбками.

Вначале Белка только жалела и сочувствовала бедной женщине, и из-за этого еще старательней улыбалась, видя ее в окне, но потом постепенно очень глупые, неуместные и на редкость навязчивые мысли начали лезть к ней в голову. Первая была такой: "Интересно, раз муж не ушел, значит, он действительно ее любит, или это из-за того, что он плавает и всего три-четыре месяца в году бывает дома, и ему все равно?". Потом, после жутко утомительного дня и известия об очередной задержке зарплаты: "У нее есть деньги, она не ждет эту ерундовую зарплату, да и на что ей деньги? Она ведь никуда не ходит". А дальше еще хуже: "За нее мама даже кушать готовит, а она с утра накрутилась и села у телевизора или у окна, потом с Аней поиграла, уроки сделала — так день и прошел. Да, она красится, хоть никуда и не выходит, а мне целый день мотаться приходится, губы нарисовать некогда".

Вот такие мысли постепенно и незаметно заполняли ее голову, а она даже не пыталась с ними бороться или хотя бы логично обдумать. Ведь получается, она завидует несчастной женщине, калеке, которая не может даже сама себя обслуживать, это ужасно и как-то жутковато, но Белка не задумывалась, откуда и почему у нее появились такие мысли.

Прошло два месяца. Глупые завистливые мысли не исчезли, и Белка наконец-то обратила на них внимание. Она решила проанализировать, чему именно она завидует, ведь деньги, большая квартира, мужчина и заботливая мама есть у многих, а она завидует именно этой женщине. Да еще зависть какая-то странная, можно сказать, навязчивая, по десять раз на день она вспоминает об Алевтине и ее жизни. Долго Белка думала, что же есть у Алевтины такого, чего нет ни у кого из ее знакомых. И, наконец, поняла, она завидует инвалидности Алевтины, вернее, ее следствию: тому, что она сидит дома, никуда не спешит, дни похожи друг на друга, жизнь тихая и спокойная. Вот он, предмет зависти, — тишина, бездействие, однообразие.

Это ж как надо устать, чтобы такому позавидовать, грустно усмехнулась Белка. Она поняла, что надо как-то менять свою жизнь, а то скоро и не до такого додумается. Но как менять? Скоро конец учебного года, много контрольных и диктантов, у Лешки экзамены, и нет летней обуви,

да он еще и растет, а значит, одежды тоже нет. У мамы давление, и сантехника течет... Короче, не до перемен, но такие проблемы будут всегда, как-то надо с этим мириться, и все равно надо что-то менять.

Перемены Белка отложила до летних каникул: у нее будет отпуск, у Лешки и ее учеников будут каникулы, вот тогда она отдохнет. Белка дала себе честное слово, что отдохнет, даже постарается увильнуть от поездки на мамину дачу. Отправит туда Лешку, а сама закроется в квартире и будет слушать тишину, даже телевизор не будет смотреть, телефон отключит и ничего не будет делать. Ничего, совсем ничего. Только бы лета дожждаться, а до этого постараться все срочные дела переделать и спокойно отдыхать. Ничего, у нее еще два месяца, она все сделает.

* * *

Сколько помнила себя Алевтина, она всегда в кого-то влюблялась или кем-то восхищалась, подражая ей или ему. Первая любовь — ей было тогда три-четыре года — сосед дядя Женя, он приносил ей конфеты и разрешал играть со своей собакой, всегда улыбался и называл ее Дюймовочкой. В первом классе его сменил старшеклассник Саша, ему было пятнадцать, он занимался в театральном кружке и был главным героем всех утренников первоклашек, у него была открытая улыбка, голубые глаза, и все в один голос говорили, что он красивый мальчик, да он и сам так думал. Конечно, это были любви платонические и безответные. Потом появился Олег, одноклассник, очень умный и воспитанный, до пятого класса носил портфель и делал математику, а потом бросил ее, переехав в другой город. Алечка поплакала, получила несколько двоек по математике и влюбилась в другого одноклассника, потом в мальчика из соседнего двора, потом в его старшего брата и, наконец, в своего будущего мужа. В то же время она подражала Золушке, Алисе из Страны чудес, Анжелике де Пейрак, восхищалась Мерилин Монро и Софией Ротару.

Алевтина выросла, превратилась в очень симпатичную и непрактичную девушку. Окончила школу, провалила вступительные экзамены в институт, познакомилась с Димой и вышла за него замуж.

Вскоре он ушел в рейс, а она осталась дома, работать не хотела, вернее, хотела, но потом когда-нибудь, а не сейчас. Ходила по магазинам, в гости, читала романы и ждала Диму. Через два года она все же поступила на заочное отделение университета, по специальности "библиотечный работник", кое-как окончила его и даже год проработала в детской библиотеке, а потом забеременела.

Алевтина всегда мечтала о семье с тремя, а лучше четырьмя детьми. Долго не могла забеременеть, но наконец-то это произошло. Они с мужем были счастливы, это только начало — улыбалась Алевтина, она собиралась исполнить свою мечту о троих детях. Эта мечта каким-то странным образом сочеталась у Алечки с абсолютной непрактичностью и неумением вести домашнее хозяйство.

Ее семейную жизнь спасало только то, что ее мама жила с ними и считала своим долгом готовить, покупать продукты, стирать и убирать. После нескольких лет Алечкиного замужества мама попыталась научить ее готовить и распоряжаться деньгами, хотя это надо было сделать намного раньше. Алечка очень старалась, особенно когда забеременела, она научилась даже делать покупки и варить пюре, но дальше этого дело не пошло, она была абсолютно непрактичной. Алечка ушла в декрет, вышла для будущего ребенка две наволочки и покрывальце, уж что-что, а вышивать она умела и любила.

Беременность прошла прекрасно, врачи хором пели ей дифирамбы как на редкость красивой, а главное, здоровой женщине с прекрасно протекающей беременностью. Вот только роды испортили всю красоту, здоровье, а заодно и жизнь. Во время родов в пояснице ущемился нерв, отнялись ноги, но это выяснилось позже, а вначале было сильное кровотечение у нее и асфиксия у ребенка.

Мама и Дима три дня просидели во дворе роддома, врачи прятали глаза и молчали. Все обошлось, они выжили, Анечка росла вполне здоровой и благополучной девочкой, а вот Алечке не повезло — полный паралич ног и множество осложнений остались у нее навсегда.

Муж плакал, пил, уходил, возвращался, потом ушел в рейс на год, а когда вернулся, сказал, что любит ее и дочку, не бросит их, и все у них наладится. Она поверила, и все действительно наладилось.

Жили они дружно, мама во всем помогала, да и Анечка росла очень послушной и умной девочкой, всегда старалась помочь маме и бабушке. Дима был хорошим мужем, заботливым и надежным, они почти не ссорились, она любила мужа и была благодарна ему.

Вот только иногда до Алечки доходили слухи то про одну его любовницу, то про другую. Мир не без добрых людей, с улыбкой повторяла Алечка старую истину, и старательно делала вид, что ничего не знает, а ее маме хватало ума и такта делать то же самое.

Алевтина всегда была домоседкой, поэтому вынужденное затворничество ее почти не беспокоило вначале, только жалела, что не могла гулять

с дочкой, что не она возила по двору роскошную импортную нежно-розовую Анину коляску. Потом не она вела Анечку в детский сад, на утренники, на первый звонок в школу и в цирк. Не она покупала ей школьную форму, не она ходила на родительские собрания. Каждое "не она", каждое пропущенное событие приносило боль и обиду. Обида росла и множилась, наваливаясь на нее. Алевтине стало бы легче, если бы она могла обижаться и злиться на кого-то или на что-то конкретное, а ей даже некого было обвинить в своей болезни. Врачи сделали все что могли, родные всегда заботились — виновных нет.

Каждый год, каждый день был похож на предыдущий, и в будущем все будет так же. Через год, даже через десять лет она так же будет сидеть у телевизора или у окна и считать, что еще сделала не она, что не она видела, куда не она пошла. Теперь она жалела, что пока могла, почти никуда не ходила, ей всегда было проще и спокойней лежать на диване с книжкой или сидеть на скамеечке в парке с очередным поклонником, даже профессию она выбрала тихую и спокойную — библиотекарь. Что может быть спокойней? Хотя это и считается "работой с людьми". Она столько в жизни пропустила, и не только из-за болезни, а еще раньше, из-за своего характера. Она слишком любила тишину и спокойствие.

Это любовь к тишине лишила ее многого, ограничила ее больше, чем инвалидность. Надо что-то менять, думала Алевтина, глядя в окно. На мысли о переменах ее наталкивала соседка, каждый день проходившая, вернее, пробегавшая мимо ее окон. Они здоровались, соседка ей улыбалась, кажется, она всем улыбалась, или так только казалось Алевтине. Ведь эта женщина ей очень нравилась, ей нравилось наблюдать за ее походкой, жестами, манерой говорить, иногда Алевтина видела ее четыре-пять раз в день. Мама рассказала, что соседка — учительница младших классов, сама воспитывает подростка-сына, и к ней никто не приходит, ей никто не помогает.

Алевтина смотрела вслед удаляющейся учительнице и пыталась представить: вот сейчас она завернет за угол, выйдет на шумную улицу, пройдет два квартала, зайдет в школу, в свой класс. Там много детей, они разговаривают, шумят, балуются, а она утихомиривает их и начинает урок... После уроков идет в магазин или еще куда-то, и везде ее окружают люди, везде шумно, весело, и нет этой гнетущей тишины. Тишины, любимой когда-то и ненавидимой теперь.

Почему именно эта женщина привлекла ее внимание — непонятно, но иногда Алечка думала, как бы она хотела оказаться на ее месте, хоть на

день-два, она бы столько всего увидела, сказала, сделала... Надо что-то менять, оставаясь на своем месте, ведь другого места в жизни нет и не будет. Надо менять. Вот только с чего начать? Да и что она может изменить, она даже из квартиры выйти не может. Хотя нет, может, летом она попросит Диму вывезти ее во двор, там с кем-то можно познакомиться, поговорить. Да и вообще, она изменится, чем-то займется, ведь не все инвалиды часами сидят у окна, руки у нее здоровые, например, можно научиться готовить. С лета начнется новая жизнь, и лето уже скоро, всего два месяца осталось.

* * *

Первого сентября шел дождь, у Белки сломался зонтик, она промокла и на торжественной линейке была похожа на мокрую курицу. Думала, что с таким началом день не удастся, но все прошло нормально: линейка, ее родной, уже третий класс, обмен новостями и впечатлениями, потом обед в кафе с сотрудниками, по дороге домой купила торт, и весь вечер они с Лешкой его ели. Первого сентября она всегда устраивала такой праздник — ужин, состоящий только из торта и компота. Лешка рано лег спать — устал от новых эмоций и впечатлений.

Белка подошла к окну, месяц всходил молодой и какой-то игрушечный, несерьезный. Молодой месяц — на счастье в новом учебном году, подумала Белка. Присела у окна и задумалась: как тихо... Тихо на улице, в квартире, Лешка спит, а ей не хочется, ей надо подумать. Подумать про невыполненное обещание, ведь она так ничего и не изменила в своей жизни, не смогла или все же не захотела? Вот о чем надо подумать: где граница между "могла" и "хотела"?

Что надо перебороть, сколько пережить, чтобы сказать — "не смогла". Хотя всегда найдется кто-то, кто скажет: неправда, ты просто не захотела, в крайнем случае, это услужливо сделает твой собственный внутренний голос. Как понять, прав он или нет? Вот, например, каникулы начались, но это еще не отпуск — надо написать отчеты, устроить детский лагерь для своего класса на июнь и еще много мелочей очень важных в тот момент и напрочь забытых через две недели. Потом был отпуск, но она не смогла не поехать на дачу, а там красила, убирала и копалась в огороде, потом ремонт, потом... было что-то еще — очень важное и неотложное.

Всегда будут какие-то дела, проблемы, заботы — они есть у всех, но ведь люди как-то умудряются отдыхать, радоваться жизни, а она не может, у нее постоянно нет времени. Даже сейчас она не может сколько хо-

чется сидеть у окна, ведь утром рано вставать, она не выспится, значит, надо ложиться. Все равно она ничего не придумает, наверное, так и будет жить до самой пенсии, а может, и потом. А как было бы хорошо сидеть у окна, смотреть, как люди куда-то спешат, как тени от домов и деревьев ползут и меняются под сентябрьским солнцем, смотреть и ничего не делать, ни о чем не думать.

Опять вспомнилась соседка в окне первого этажа: интересно, ей нравится такая жизнь? Хотя что в ней может быть хорошего? Только Белка могла додуматься позавидовать ей, одернула себя женщина и начала укладываться спать. В конце концов, у нее замечательная жизнь, и она всем довольна — надо только заставить себя в это поверить. Ничего, у нее прекрасное воображение, и она вполне внушаема. Так оптимистично Белка пожелала себе спокойной ночи и закрыла глаза.

* * *

Лето прошло, вернее, проползло чередой одинаковых долгих и пустых дней. Вначале Алечка строила планы: вот завтра она попросит мужа, и он вывезет ее во двор, но на следующий день был дождь, а потом она приболела, потом у Димы не было времени, потом она не могла пропустить последнюю серию любимого сериала, но ведь всегда есть "завтра". "Завтра" — эта неизменная и такая успокаивающая отговорка.

Сегодня первое сентября — Аня пошла в школу, ее провожала бабушка, а Алевтина смотрела в окно, пока они не скрылись за углом дома. В этот раз ей было особенно больно — опять не она вела Анечку, даже не она собирала ее в школу, ведь что она может — калека, как она сама себя мысленно называла, жалея и извиняя собственную беспомощность, а мама все сделает лучше, она всегда все делает правильно и хорошо. Почему-то от этой мысли захотелось плакать...

Боль и обида на себя, на жизнь, на тех людей за окном, а иногда и на маму за ее идеальность и незаменимость делали Алечку еще беспомощней, чем раньше, теперь ей казалось, что она вообще ни на что не способна, бесполезна, а значит — никому не нужна. Тогда зачем мучить себя, окружающих, что-то менять, если можно спокойно сидеть у телевизора, не доставляя хлопот ни себе, ни родным. А так хотелось бы, чтобы что-то изменилось, чтобы что-то начало происходить с ней, а не с окружающими, чтобы она стала нужной и важной, чтобы наступило такое "завтра", которое бы все изменило. Опять размечталась, как в детстве, — упрекнула себя Алевтина и включила телевизор.

Через год в ноябре для Алечки наступило "завтра" — горькое и неожиданное, навсегда изменившее ее жизнь. Умерла мама: вечером стало плохо с сердцем, а к двенадцати — умерла. Инфаркт — сказал врач "скорой помощи".

Алечке показалось, что у нее второй раз отнялись ноги, во всяком случае, ощущение беспомощности и безысходности было такое же, как тогда в больнице, много лет назад, но тогда ее окружали любящие люди, заботившиеся о ней, а теперь она осталась одна. Дима в рейсе, где-то у берегов Южной Америки, конечно, на похороны его отпустят, может, он даже успеет прилететь, но потом, как она будет жить потом? Ведь ему надо плавать, иначе им не на что будет жить.

Дима прилетел на четвертый день, в тот же день похоронили маму. Прошло девять дней, Дима улетел, а Алечка осталась. Конечно, он сделал все, чтобы облегчить ей жизнь, — оставил денег, купил более легкую и маневренную коляску, нанял домработницу, отдал кошек знакомым и попросил соседку провожать Анечку в школу вместе со своей Дашенькой, хорошо, что они одноклассницы, но все это ничуть не успокоило Алечку, не уменьшило ее тревоги, испуга и растерянности.

Постепенно испуг и растерянность Алечки сменились горем, неделю она проплакала, а потом появилась какая-то глупая обида на себя и на маму. На себя за то, что она никогда даже мысли не допускала, что когда-то мама умрет, а на мать за то, что ничему ее не научила, не приучила к домашним делам. Оказалось, Алечка не знает самых элементарных вещей, которые знают все взрослые люди и даже не задумываются об этом. Вещей, о которых даже у мужа спрашивать стыдно, чтобы он не подумал, что она полная дура. Например, как заполнять квитанции об оплате квартиры, сколько стоит молоко и где лучше его покупать: на рынке или в магазине, сколько денег давать домработнице, когда та идет на базар, как жарить яичницу Анечке на завтрак, в какой день платить уборщице за уборку в подъезде. Анина школа — это вообще один большой вопрос. Миллион вопросов и проблем, и так каждый день, к тому же ей надо учиться обслуживать саму себя и готовить кушать, ведь домработница приходит через день, да и не может она позволить постороннему человеку стирать ее белье, это слишком унижительно.

Алечка плакала по пять раз в день от обиды и беспомощности, но постепенно, день ото дня училась: готовить завтрак и собирать Анечку в школу, вести учет расходов, стирать. Свободного времени почти не

оставалось, оказалось, что дома куча дел, которые она вполне может делать, Алечка похудела, подстриглась, изменилась внешне, а главное — внутренне.

Она почувствовала свою нужность, стала уверенней в себе, собранней и взрослее, странно говорить о женщине за тридцать, что она повзрослела, но это именно так — Алечка повзрослела. Постепенно она научилась готовить, и ей это так понравилось, что она частично отказалась от услуг домработницы — та теперь только продукты покупала, делала уборку и иногда помогала стирать.

Весна пришла еще в феврале, дни стояли теплые, солнечные и такие манящие, что Алечка решилась выйти на улицу, впервые за девять лет. Сосед помог ей съехать по пандусу, и она оказалась во дворе. Первые десять минут Алечка не могла поверить, что это произошло в действительности, — сколько раз она представляла себе, как опять выйдет из квартиры, и теперь ей казалось, что это очередная ее фантазия. Вспомнила, как тысячу раз проходила по этому двору, и заплакала, понемногу эмоции утихли, она посидела еще минут десять и вернулась домой, на следующий день она опять выехала во двор.

Каждый теплый день Алечка старалась хоть полчаса побыть на улице, даже научилась сама спускаться и подниматься по пандусу. Появились знакомые, новые старые знакомые, как, смеясь, говорила Алечка. Ведь ей пришлось заново познакомиться с жильцами своего дома, за столько лет жизнь двора и люди очень изменились, а теперь и Алечка изменилась. Постепенно незаметно для себя она изменилась, и хотя ей по-прежнему бывало очень тяжело, и она безумно скучала по маме, но ей нравились перемены, произошедшие с ней.

* * *

Осенью Белке приснился очень странный сон, сны ей, вообще-то, снились редко, да и то обычно это были не сны, а какие-то обрывки произошедших накануне событий, которые она к утру забывала.

В этот раз Белка очень хорошо запомнила сон, он был четким и каким-то тревожно-реальным. Приснилась комната, большая и светлая, а в углу на каком-то грязном черном тряпье сидит ее покойная бабушка. Перебирает цветные камешки и повторяет: "Ты все бежишь, бежишь, так и потеряешься недолго, но ничего, я тебе помогу. Ты отдохнешь, может, что найдешь, а может, тебя найдут...". Бабушка подняла глаза на Белку, улыбнулась и бросила на пол два камешка, один раскололся на три части, а вто-

рой покатился и остановился в центре комнаты. Белка еще хотела что-то спросить, но бабушки в углу уже не было.

Белка проснулась, в душу заползала какая-то тревога или предчувствие, хотя интуиция и предчувствие у Белки напрочь отсутствовали, но тут она забеспокоилась, сама не понимая почему. Ну, подумаешь — сон, даже не кошмар, а просто странный сон. Белка встала, посмотрела в окно, как в детстве учила ее бабушка, сказала "куда ночь — туда и сон" и снова легла.

Про сон она забыла еще утром, а вспомнила о нем через день, когда отходила от наркоза в травматологии первой горбольницы. Ее сбила машина, почти у собственного дома. Белка не видела, откуда появилась эта несчастная "Таврия", еще и на большой скорости. Она так испугалась, что момент аварии совсем забыла, помнила только, как лежала на асфальте, перед глазами было очень много ног и колеса "Таврии". "Ты б еще под "Запорожец" угодила, — мысленно съязвила Белка, — не могла попасть под что-то приличное, а то — "Таврия". С этой нелепой мыслью она отключилась, а очнулась вечером в больничной палате, с гипсом на правом бедре.

Как там бабушка сказала: "Ты отдохнешь, может, что найдешь, а может, тебя найдут". Почему-то слова из сна вспомнились очень четко, вот только Белка не очень их поняла, она, конечно, отдохнет, а вот кто ее будет искать, и что она будет искать — непонятно. Это всего лишь сон, напомнила себе Белка и постаралась больше о нем не думать.

Теперь она тишины наслушается, отоспится, отлежится, телевизора насмотрится, а может, ей это надоест уже через неделю, ну а пока ей некуда спешить. Она просто не может спешить, как бы ей не хотелось. Перелом сложный, врачи напугали, что всю жизнь хромать будет, если не будет соблюдать режим, то есть лежать.

Вначале Белка очень волновалась о Лешке: кто ему кушать будет готовить, стирать, да и вообще, мало ли что ему может понадобится, а она не сможет помочь, сделать... Переживала о школе, ведь только ноябрь — начало второй четверти, а она раньше конца третьей на работу не выйдет, и дети ее забудут, придется снова завоевывать доверие, устанавливая дисциплину, они ведь только начали к ней привыкать, иногда еще воспитательницей называют, что с них взять — первоклашки. Думала об учениках, которых она, скорей всего, потеряет, — кто же будет ждать репетитора полгода? Еще о многих важных и не очень проблемах, которые она привыкла постоянно решать. И не знала, что с ними делать теперь. Все эти проблемы и вопросы постоянно крутились в голове, а самой навязчивой среди них была мысль о деньгах. Их и раньше постоянно не хватало, а те-

перь — тем более. Белка с ужасом думала, на что они будут жить, на что она будет лечиться, ведь ей надо как можно быстрее поправиться, она не имеет права долго болеть. Эти мысли не давали покоя, Белка плохо спала, стала рассеянной, нервной и все время опасалась будущего.

Через месяц Белка немного успокоилась — с голоду они не умерли, к ним переехала Белкина мама и кормление Лешки взяла в свои руки, водитель "Таврии" оплатил лечение, а через пару недель Белкины ученики уже приходили к ней домой, ей даже понравилось — не надо никуда бегать по вечерам, а оплата та же. Со школой в ее отсутствие тоже ничего не случилось, во всяком случае, так уверяли коллеги, приходившие ее навещать, а однажды в воскресенье к ним в квартиру ввалился весь первый "Д" класс, с шариками и цветами.

Вечера у нее были заняты — занималась с учениками, а иногда — с Лешкой, разговаривала с мамой, все вместе смотрели телевизор. Днем все расходились по своим делам, она оставалась одна, слушала тишину и думала, чаще всего она думала о своей прошлой жизни, той, которая была до аварии. Белка называла ее "прошлой", потому что теперь она точно знала, что будет жить по-другому, даже знала как: медленнее, спокойнее, стараясь видеть и запоминать все мелочи и подробности.

Белка вспоминала свою жизнь и удивлялась — у нее не было ни одного воспоминания за последние десять лет, когда бы она ни о чем не беспокоилась, никуда не спешила, и что удивительно: она никак не могла вспомнить, о чем беспокоилась и куда спешила в тот момент. Ей просто запомнились ощущения спешки и тревоги. Она пропустила столько чудесных мелочей, например, свадьбу лучшей подруги, Лешкины утренники, прошлое и позапрошрое лето и еще что-то очень важное, чего она не помнит. Ничего, она вспомнит и будет все старательно запоминать, а то внукам рассказать будет не о чем, не станут же они слушать ее "отчет" о работе и ценах в тысяча девятьсот девяносто каком-то году.

Бедро срасталось медленно, только в феврале ей разрешили ходить на костылях, и в марте наконец-то она смогла выйти во двор. Вскоре Белка научилась довольно шустро ходить на костылях, выходила во двор почти каждый день, сидела на скамейке под навесом и там познакомилась с Алевтиной.

* * *

Вначале Белка ее не узнала, Алевтина очень изменилась — похудела, подстриглась и стала какой-то строгой, да, именно строгой, это первое, что

пришло ей в голову, когда она увидела Алевтину. Оказалось, что у Алевтины в ноябре прошлого года, примерно тогда, когда Белка попала под машину, умерла мама.

Вначале женщины почти не разговаривали, просто сидели на скамейке и иногда перекидывались ничего не значащими фразами. На пятую или шестую встречу они разговорились, и оказалось, что у них много общих тем и интересов. Алечка рассказала о своей жизни, а Белка о своей, они о многом говорили, вот только ни одна из них не упомянула о своей давней зависти к другой, и не упомянет. Ни за что, — решила Белка. Может быть, когда-то потом, когда все это станет далеким и почти забытым, — подумала Алевтина.

